

Гелыева Ариука Ибрагимовна, Хучинаева (Гергокаева) Джамилят Джамаловна
**О СПЕЦИФИКЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ МИРА ЖЕЛАНИЙ В СВАДЕБНЫХ
ТОСТАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена выявлению ценностных доминант мира желаний и определению специфики экспликации желаний в свадебных тостах карачаево-балкарского языка. Анализируются макроконцепты мира желаний, а также единицы репрезентации категории "желание", основной из которых является оптативная конструкция. Определяются использованные в её структуре стилистически маркированные фигуры речи, создающие национально-культурный колорит тоста и усиливающие его прагматический потенциал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 48-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Лермонтов М. Ю. Мцыри // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.-Л.: Изд-во АН СССР; ИРЛИ, 1955. Т. 4.
5. Мелетинский Е. М. Западноевропейский «бретонский» кургузный роман XII в // Мелетинский Е. М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М.: Наука, 1983. С. 28-151.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 4. 447 с.
7. Рязановский Ф. А. Демонология в древне-русской литературе. М.: Печатня А. И. Снигиревой, 1915. 128 с.
8. Смирнов В. А. Евгений Онегин // Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. С. 45-72.
9. Элиаде М. Магический полет // Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. С. 183-187.

**“RUSLAN AND LYUDMILA” BY A. S. PUSHKIN:
FOLKLORISTIC COMMENTARY. ON THE WAY OF RUSLAN: SONG THREE**

Galieva Marianna Andreevna
Lomonosov Moscow State University
marianna.galieva@yandex.ru

The article considers the poetics of “Ruslan and Lyudmila” by A. S. Pushkin in the light of the folk tradition. This article is a continuation of a folklore commentary made up to the first and second songs of the poem-tale. The third song is devoted to the initiatory way of Ruslan which should reach “captivating limit” in order to save Lyudmila. Much attention is paid to getting the ritual sword and the motif of death – cosmic rebirth.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; Pushkin; motif of “death - cosmic ascension”; World axis.

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена выявлению ценностных доминант мира желаний и определению специфики экспликации желания в свадебных тостах карачаево-балкарского языка. Анализируются макроконцепты мира желаний, а также единицы репрезентации категории «желание», основной из которых является оптативная конструкция. Определяются использованные в её структуре стилистически маркированные фигуры речи, создающие национально-культурный колорит тоста и усиливающие его прагматический потенциал.

Ключевые слова и фразы: ценностная доминанта; благожелание; тост; макроконцепт; коммуникативная интенция; оптатив; фигура речи; специфика экспликации.

Геляева Ариука Ибрагимовна, д. филол. н., профессор
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
gariuka@mail.ru

Хучинаева (Гергокаева) Джамилят Джамаловна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова
gjjamilia@mail.ru

**О СПЕЦИФИКЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ МИРА ЖЕЛАНИЙ
В СВАДЕБНЫХ ТОСТАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА©**

С актуализацией коммуникативно-прагматического аспекта изучения языка интерес ученых стали привлекать те феномены, которые раньше находились на периферии лингвистической науки. К числу таких феноменов относятся речевые жанры устной коммуникации, в частности тосты как наиболее прагматически маркированные тексты.

Хотя тосты являются важной частью коммуникативного пространства и этикетной культуры разных народов, работы, посвященные их исследованию, в основном фольклорного, этнографического, культурологического характера [2]. Что же касается изучения тостов как лингвистических феноменов, то данный аспект остается наименее разработанным.

В карачаево-балкарском языке тосты не были предметом специального лингвистического исследования. В отдельных статьях лишь спорадически затрагиваются вопросы, связанные с благопожеланиями в целом [4]. Между тем тосты, относящиеся к числу древних формул речевой культуры, и сегодня отличаются функциональной активностью и, выступая лишь с незначительными вариациями, культивируются, адаптируясь к современному дискурсивному пространству. Отсутствие их системного исследования с точки зрения выявления отраженной в этом устно-речевом жанре специфики этнического мировидения и риторических правил

социального взаимодействия представляет значительный пробел в изучении карачаево-балкарского языка в лингвокультурологическом аспекте. Этим обстоятельством обуславливается *актуальность* исследования тостов как одного из жанров устно-речевого дискурса и *целевая направленность* настоящей статьи, связанная с выявлением ценностных доминант мира желаний, специфически эксплицированных в свадебных тостах карачаево-балкарского языка. Объектом исследования являются языковые средства, репрезентирующие пожелания невесте, дому, семье, жениху в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев. Следует отметить, что в указанном ракурсе исследование тостов в карачаево-балкарском языке проводится впервые.

В лексикографических источниках тост определяется как «застольное пожелание, предложение выпить в честь кого-, чего-либо; здравица» [10, т. 4, с. 389], «короткая речь с пожеланием чего-н. и предложением выпить вина в честь кого-чего-н.» [9, с. 739]. В указанном значении в карачаево-балкарском языке выступает многозначная лексема *алгыши*, которая синкретично представляет различные ситуативно обусловленные жанры повседневного устного общения, такие как поздравление (с рождением детей, вступлением в брак, новосельем, днём рождения, обновой и т.д.), здравица, тост, то есть любое пожелание добра. В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» *алгыши* определяется как: «1. Благое пожелание, здравица, приветствие. 2. В *позиции определения*: поздравительный / *Алгыши телеграмма*; ...*Алгыши айт* произносить, провозгласить тост» [12, с. 121-122].

Поскольку тост (*алгыши*) относится «к хвалебным (в античной традиции – эпидейктическим) речам, он должен строиться в оптимистической тональности и говорить о добре, любви, красоте – обо всём хорошем в связи с данной конкретной ситуацией» [7, с. 717]. Поэтому мир желаний в тостах связан в целом с жизнью и здоровьем самого человека и его близких, с материальными и духовными ценностями. В свадебных тостах этот мир желаний приобретает определенный ракурс в соответствии с ситуацией бракосочетания.

В карачаево-балкарской лингвокультуре основной вектор тостов связан с невестой (что, на наш взгляд, объясняется тем, что модель тостов отражает наивную картину мира человека и его философию бытия, а именно: словом воздействовать на нового человека (женщину), появление которого может принести в семью как добро, так и зло) (1) и новой семьей (2), куда она входит: 1) *Келген келин огьурлу болсун, / Иги ызы болсун, / Бишара келсин, / Кюле келсин, / Этер ишин биле келсин, / Келген жерин суюе келсин*. «Да принесет невестка счастье, / Да будет она доброго нрава, / Да войдет (в дом), улыбаясь, / Да войдет, смеясь, / Да войдет, зная свои обязанности, / Да войдет, любя новую семью» [8, с. 383]; *Апсынлагда юлго берсин, / Хар ким да аны ариу керсюн...* «Пусть будет примером для сосношниц, / Пусть все её уважают...» [Там же, с. 386]; *Огьурлу кюнде аякъ бас, / Огьурлу болсун аягьынг, / Уланла анасы бол!* «В добрый день войди в этот дом, / Пусть добрым будет твой приход, / Стань ты матерью сыновей!» [Там же, с. 389]; *Келген келин огьурлу болсун, къутлу болсун, / Харкимге да татлы болсун!* «Да будет невестка красивой, счастливой, / Да будет она для всех приветливой» [Там же, с. 383]; 2) *Ахшылыкъ бу юйден кетмесин, / Аманлыкъ бу юйге жетмесин, / Суймегенлери айтхан кирик да / Бу юйню Аллах этмесин!* «Пусть добро не покидает этот дом, / Пусть горе его минует, / Пусть Аллах не сделает этот дом таким, каким хотели видеть его недруги» [Там же]; *Алгыши бу юйден кетмесин, / Къаргыши бу юйге жетмесин* «Пусть благие пожелания не покидают этот дом, / Пусть проклятия его минуют» [Там же].

В традиционной культуре балкарцев и карачаевцев сравнительно мало тостов, адресованных жениху. Если в тостах, обращенных к невесте, преобладают пожелания красоты, счастья, радости, рождения детей, то в тостах в честь жениха последнему желают достоинства, такта, правдивости, твердости, надежности, например: *Киеу бёкем сёзлю болсун... / Жашау ызы биле турсун... / Нёгерине тыяныгучу, / Керти сёзге ийнаныгучу. / Киеу болсун бир Аллахны ийнагьы* «Да будет слово зятя твердым... / Да усвоит он принципы жизни... / Пусть опирается он на друзей, / Пусть верит он правдивому слову. / Да будет зять любимцем Бога» [Там же, с. 389].

Языковая концептуализация мира желаний в свадебных тостах характеризуется множественностью его денотативного представления. Желание в тостах представляет собой сложное многослойное образование, ценностными репрезентантами которого выступают: 1) материальные блага, 2) морально-нравственные и духовные ценности, 3) дети, 4) эстетические ценности.

Вполне закономерно, что пожелание материальных благ в свадебных тостах занимает одно из ведущих мест, что объясняется тем, что «изначально модель мира строится на повседневных потребностях человека» [6, с. 119]. Формой репрезентации желаемых материальных благ в свадебных тостах выступает макроконцепт *ырысхы* «состояние, богатство»: *Ырысхыгьыз, насыбыгьыз кёп болсун: / кёкден жаугьан жауун кирик, / жерден чыкъгьан кырдык кирик, / агьачлада чырпы кирик, / сабанлада къылкы кирик!* «Чтобы богатство (состояние) и счастье (их) было / подобно дождю, идущему с небес, / подобно траве, всходящей из земли, / подобно кустам в лесах, / подобно колосьям на пашне» [8, с. 384]; *Келген келинни жаны байлыкъгьа талашсын* «Чтобы душа невестки стремилась к богатству» [Там же]. В тостах макроконцепт *ырысхы* «состояние, богатство» часто конкретизируется единицами, номинирующими объекты желания: *Аллах былагда ырысхыны суйюп берсин... / Ат берсе – чапханын берсин... / Ийнек берсе – сютлюсюн берсин, / Къой берсе – тюклюсюн берсин!* «Пусть Аллах даст им богатства, любя... / Если коня даст, то – скакуна... / Если корову, то – дойную, / Если овец, то – шерстистых!» [Там же, с. 388]. При этом предпочтение в тостах отдаётся большому количеству желаемых материальных благ: *Бу аякъ толу болгьан кирик, / Бу юйюню насыбы, ырысхысы да толу болсун!* «Да будут счастье и богатство этой семьи такими же полными, как эта наполненная чаша» [Там же, с. 382]; *Ырысхысы тенгиз болсун* «Пусть богатство её (невестки) будет подобно морю» [Там же, с. 385].

Макроконцептом желаемых морально-нравственных благ в тостах выступает *намыс* «1) нравственность, порядочность, воспитанность, 2) честь, достоинство, совесть» [5, с. 480]. *Намыс* «является базовой нравственной ценностью народов Северного Кавказа и занимает в их этнокультуре приоритетное место; *намыс* дает наиболее полное представление об этическом кодексе народов Северного Кавказа, о нравственных приоритетах, вербальной и невербальной моделях поведения» [1, с. 154]. Поэтому неслучайно желание молодым, особенно невестке, соответствовать в полной мере этой ценностной доминанте культуры, чтобы она обладала всеми качествами – составляющими концепта *намыс*. Например: *Букелинни намысы, насыбы да бийик болсун, / Аны аягы бла бу юйге, бу элге насып жаусун* «Пусть честь, порядочность, воспитанность, совесть и счастье этой невестки будут высоки, / Пусть с её приходом привалит счастье в этот дом и это село» [8, с. 383].

В свадебных тостах репрезентируется желаемый образ невестки, гармоничность её внешней и духовной красоты, например: *Суююм берсин кёзлери, / Ийнакь болсун сёзлери!* «Пусть обаяние излучают её (невестки) глаза, пусть ласковыми будут её слова!» [Там же, с. 386]; *Жарыкь берсин, жулдузча* «Пусть излучает свет, как звезда» [Там же]. Кроме того, в тостах представлено эстетическое восприятие мира, который должен окружать молодых: *Алтын болсун терегигиз, / Кюмюш болсун керегигиз, / Кисей болсун кёлегигиз, / Ариу болсун суйгенигиз* «Пусть деревья ваши будут золотые, / Пусть утварь ваша будет серебряной, / Пусть одежда ваша будет из кисеи, / Пусть красивым будет тот, кого вы любите!» [Там же, с. 383].

Вполне логичным представляется то, что в свадебных благопожеланиях особое место отводится детям, поскольку молодая семья создается, прежде всего, для продолжения рода. Поэтому в разных вариациях в тостах репрезентировано желание рождения детей и воспитания их достойными людьми: *Эм алгья тыякьчы тапсын, / Ызыбла таракьчы тапсын* «Да сначала родит сына, / Затем родит дочь» [Там же]; *Келген келин да, арыкь эсе, семиз болсун, / Тапханлары эгиз болсун* «Если невестка худая, пусть станет упитанной, / Пусть родит близнецов» [Там же, с. 385]; *Ишге юйренсин кёоллары, / Халкь бла болсун жоллары. / Ахшыладан юлгю алсынла, / Аманладан кенг кьалсынла!* «Пусть руки их привыкают к труду, / Пусть дорога их будет с народом, / Пусть берут пример с хороших (людей), / Пусть сторонятся плохих!» [Там же, с. 386].

Исследование концептосферы свадебного тоста выявляет безусловное лидерство по частотности использования в её структуре лексемы *насып* «счастье», которая представляет собой один из важнейших концептов языкового сознания. Объём его понятийного содержания, который определяется как «1) состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л., 2) успех, удача» [10, т. 4, с. 320], свидетельствует о том, что *насып* «счастье» является доминантным концептом благопожеланий в свадебных тостах, выступая как чувство глубокого удовлетворения жизнью во всех её аспектах, *насып* «счастье» вбирает в себя все ценностные репрезентанты мира желаний: *Была кёп насыпдан толсунла* «Пусть они будут безмерно счастливы» [8, с. 388]; *Насып сенден кетмесин, / Къыйынлыкь санга жетмесин* «Пусть счастье не покидает тебя, / Пусть зло тебя минует» [Там же, с. 390].

Итак, с прагматической точки зрения в тостах реализуется коммуникативная интенция благопожелание. Однако лингвистическая экспликация этой интенции в карачаево-балкарском языке имеет свою специфику. В структуре тоста благопожелание не находит эксплицитного выражения глаголом *желать* (примечательно, что в карачаево-балкарском языке значение «желать» передается глаголами *хотеть*, *любить*). Однако экспликация мира желаний в свадебных тостах карачаево-балкарского языка характеризуется многообразием других языковых средств, основным из которых является *оптативная конструкция*. Концепт «желание», составляющий её план содержания, представляет собой универсальный концепт языкового сознания, понятие не реального, а воображаемого, возможного мира, когнитивным основанием которого является «внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л.» [10, т. 1, с. 475]. Это инвариантное категориальное значение применительно к типу события (свадьба) и ситуации речи (тост) конкретизируется как желание реализовать потенциально возможное действие, мотивированное волеизъявлением говорящего и связанное не с ним самим, а с адресатом. Ирреальность желания репрезентируется в карачаево-балкарском языке специфической формально-смысловой организацией, основу которой составляет оптативная конструкция с бытийным глаголом *бол* «*быть*» в форме 3 лица ед. и мн. числа: *бол-сун(ла)* «*пусть будет (будут)*», 2 лица ед. и мн. числа: *бол(угъуз)* «*будь(те)*», реже 1 лица мн. числа: *бол-айыкь* «*да будем*», а также глаголами с формантом оптатива: *бер-син* «*пусть даст*», *кир-син* «*пусть входит*», *толтур-сун* «*пусть выполняет*»: *Келген келин кьутлу болсун* «*Пусть невестка будет красивой, счастливой*»; *Эрттен бла эртте турсун, / Этер ишин терк толтурсун* «*Пусть она (невестка) рано встаёт, / Пусть все дела выполняет быстро*» [8, с. 386]; *Байла кибик бай болугъуз* «*Будьте богаты, подобно богачам*» [Там же, с. 387].

Следует отметить, что оптатив в карачаево-балкарском языке имеет полную парадигму и не выступает «в роли “слабого” (морфологически не маркированного) элемента всей системы наклонения в целом» [11, с. 91]. Адресованность благопожелания 2-му и 3-му лицам обуславливает частое использование в тостах глаголов в форме 2-го и 3-го лица оптатива.

Ядерное средство выражения благопожелания в тостах – прототипическая оптативная конструкция, репрезентирующая внутреннее стремление к осуществлению потенциального действия, связанного с базовой формулой желания добиться определенного результата, выступает в современном карачаево-балкарском языке как своего рода клише, магическая формула, маркирующая торжественность ситуации её использования, поэтому она имеет особую экспрессию. Использование в структуре данной конструкции стилистически маркированных фигур речи в соответствии с коммуникативным намерением говорящего вдвойне усиливает эту экспрессию. Особую роль в создании выразительности речи и усилении её прагматического потенциала в свадебных тостах

играют единицы, обладающие значительными стилистическими возможностями. К числу таких языковых единиц относятся средства словесной образности – сравнение, метафора, метонимия. Эти универсальные средства репрезентации экспрессии получают в свадебных тостах этноспецифическое преломление.

Значительное место в структуре свадебных тостов занимают так называемые *эталонные сравнения*, представляющие аксиологическую оценку невесты, дома (семьи), детей через систему сравнений с определенными объектами окружающей действительности. Набор объектов, выступающих в качестве эталона для сравнения, этноспецифичен, что придаёт особую выразительность тексту тоста: *Келин келсин – толгъан айлай, / Алгъыш жетсин жауунлай* «Пусть невестка, подобная полной луне, войдёт в этот дом, / Пусть благопожелания сыплются, как дождь» [8, с. 390]; *Юйюнг юйленсин / Жерде кырдыкла кибик, / Тенгизде юзmez кибик!* «Пусть семья твоя множится, / Как травы на лугах, / Как песок в море» [Там же, с. 389]; *Ишге жетсе – ёюз болсун, / Брысысы тенгиз болсун!* «Пусть (невестка) работает, как вол, / Пусть состояние её будет подобно морю» [Там же, с. 385]. Эталонным представлением красоты в данных текстах выступает полная луна, способности трудиться – вол, большого количества – море, дождь, трава, песок. В качестве эталона красоты, умелости выступают также и герои эпоса «Нарты»: *Алгъа тапханынг улан болсун... / Нарт Дебетча, уста болсун! / Къызынг болсун Сатанай кибик* «Сначала рожденный пусть будет сыном, / Пусть будет умелым, как нарт Дебет! / Пусть дочь твоя будет, как Сатанай» [Там же, с. 389].

В создании национально-культурного колорита текста тоста, его выразительности и образности велика роль *метафоры и метонимии*. Следует отметить, что созданная на основе семантической деривации метафора, используемая в тостах для характеристики невестки (реже – зятя, детей, семьи), сохраняет эталонные свойства предмета сравнения, актуализация которых обусловлена «своеобразным мировосприятием, предопределенным материальными и духовными условиями жизни народа» [3, с. 14]: *Къартха-къуртха басхыч болсун, / Мол жашаугъа ачхыч болсун* «Да будет (невестка) поддержкой (букв. лестницей) старым и слабым, / Да будет ключом к богатой жизни» [8, с. 386]; *Абынганда – ыргъакъ болсун, / Къарангыда – чыракъ болсун, / Адамлагъа ийнакъ болсун* «Пусть будет опорой (букв. крючком) для тех, кто спотыкается, / Пусть будет светильником в темноте, / Пусть будет любимцем (букв. лаской) людей» [Там же, с. 382].

Повышенной экспрессивностью отличаются и метонимические образования: *Къолу жигер болсун / Аузу хомух болсун* «Пусть невестка (букв. рука) будет проворной, / Пусть рот её будет ленивым» [Там же, с. 381].

Особый накал выразительности и изобразительности тоста достигается использованием метафор, созданных на основе ассоциативного переноса как результата «скречивания ощущений», то есть на явлении синестезии, когда признак предмета из сферы-источника, воспринимаемого одним органом чувств, используется для характеристики объекта сферы-мишени, обладающего признаком, воспринимаемым другим органом чувств: *Эки жууукъну ортасы татыулу болсун... / От тегереги къалын болсун* «Пусть будут близкими (букв. вкусными) отношения между двумя родственниками, / Пусть полон (букв. толстым) (людей) будет семейный очаг» [Там же, с. 385]; *Келин ариу тилли болсун... / Киеу бёкем сёзлю болсун* «Пусть невестка будет сладкоречивой (букв. Пусть у невестки будет красивый язык), / Пусть у зятя будет твердое (букв. прочное) слово» [Там же]; *Ёмурлери узакъ болсун, / Этген муратлары толсун* «Пусть жизнь их будет долгой (букв. далёкой), / Пусть исполнятся (букв. станут полными) их мечты» [Там же, с. 388]. Эти примеры показывают уникальность восприятия, определяющую специфику вербализации желаемых качеств адресатам свадебного тоста.

Итак, свадебный тост занимает особое место в устной речевой культуре карачаевцев и балкарцев. С точки зрения прагматики в свадебном тосте реализуется коммуникативная интенция говорящего, который в соответствии с ситуацией общения и с соблюдением законов жанра формулирует благопожелание. Мир желаний в свадебных тостах характеризуется множественностью денотативного представления, доминантными репрезентантами которого выступают макроконцепты *ырысхы* «состояние, богатство», *намыс* «нравственность, порядочность, воспитанность, честь, достоинство, совесть», *насып* «счастье» и *дети (жаш* «сын», *къыз* «дочь»). С лингвистической точки зрения тост характеризуется специфичной структурной организацией и лексическим наполнением. Благопожелание не находит эксплицитного выражения глаголом *желать*. Однако экспликация мира желаний в свадебных тостах карачаево-балкарского языка характеризуется многообразием других средств репрезентации, основным из которых является оптативная конструкция. Как прототипическая форма, оптатив реализуется глаголом «быть» и выступает в современном карачаево-балкарском языке как своего рода клише, магическая формула и имеет особую экспрессию. Национально-культурный колорит текста тоста, его выразительность и образность достигаются в значительной степени использованием в структуре данной конструкции стилистически маркированных универсальных фигур речи, которые в свадебном тосте получают этноспецифическое преломление, повышая его тропеичность и прагматический потенциал.

Список литературы

1. **Башиева С. К., Геляева А. И., Мокаева И. Р.** Концепт «толерантность» как составляющая нравственной категории «намыс» в северокавказском лингвокультурном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. Владикавказ, 2010. № 1. С. 153-159.
2. **Бгажноков Б. Х.** Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 163 с.
3. **Геляева А. И., Кумахова Дж. Б.** Место оценки в пословичной картине мира. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2010. 136 с.
4. **Геляева А. И., Хучинаева Дж. Дж.** Роль лексем количественной семантики в формально-смысловой организации дискурса благопожеланий // Актуальные проблемы современной филологии: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора И. Х. Ахматова (Нальчик, 19-20 декабря 2013 г.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. С. 132-137.

5. **Карачаево-балкарско-русский словарь** / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 831 с.
6. **Кремшохалова М. Ч.** Благопожелания и проклятия как малые жанры устной речи: когнитивно-дискурсивный анализ. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2013. 236 с.
7. **Культура русской речи**: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
8. **Къарачай-Малкъар фольклор**: хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.
9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. 846 с.
10. **Словарь русского языка**: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А-Й. 698 с.; 1984. Т. 4. С-Я. 794 с.
11. **Теория функциональной грамматики: темпоральность, модальность.** Л.: Наука, 1990. 132 с.
12. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка**: в 3-х т. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. А-Ж. 1016 с.

ON THE SPECIFICITY OF EXPLICATING THE VALUE DOMINANTS OF THE WORLD OF WISHES IN THE WEDDING TOASTS OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Gelyaeva Ariuka Ibragimovna, Doctor in Philology, Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
gariuka@mail.ru

Khuchinaeva (Gergokaeva) Dzhamilyat Dzhamalovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkaria State Agrarian University named after V. M. Kokov
gjjamilia@mail.ru

The article is devoted to revealing the value dominants of the world of wishes and defining the specificity of explicating a wish in the wedding toasts of the Karachay-Balkar language. The macro-concepts of the world of wishes are analyzed, and also the units of the representation of the category “wish”, the basis of which is an optative construction. The stylistically labeled figures of speech used in its structure are defined, creating the national-cultural coloration of the toast and intensifying its pragmatic potential.

Key words and phrases: value dominant; good luck wishes; toast; macro-concept; communicative intention; optative; schema; specificity of explication.

УДК 811.161.1'34

Филологические науки

В статье рассматривается неоднозначность употребления понятий «наречие», «диалект» и «говор», часто употребляемых для обозначения одной и той же лингвистической сущности. Проблема рассмотрена в диахроническом аспекте, продемонстрирована понятийная синонимичность и отсутствие четкой грани при дифференциации, анализируются распространенные трактовки понятий на материале энциклопедических и лингвистических словарей, делается вывод о времени оформления иерархии «наречие-диалект-говор» в отечественной лингвистике.

Ключевые слова и фразы: социолингвистика; социальная диалектология; терминологическое значение; наречие; говор; диалект; диалектологические исследования.

Гончарова Оксана Владимировна, к. филол. н.
Пятигорский государственный лингвистический университет
gbshine20@gmail.com

ПОНЯТИЯ «НАРЕЧИЕ», «ДИАЛЕКТ» И «ГОВОР» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ©

Несмотря на то, что термины «наречие», «диалект», «говор» прочно вошли в понятийный аппарат лингвистов, одной из первых трудностей, возникающих при диалектологических исследованиях, является их недостаточная осознанность и, в большинстве случаев, отсутствие четкой грани при дифференциации. Достаточно вспомнить широко используемые термины «южнорусское наречие» и «южнорусский диалект», означающие одну лингвистическую сущность.

Всю сложность сложившейся ситуации можно представить, обратившись к толкованиям данных понятий в энциклопедических словарях и словарях лингвистических терминов. А поскольку терминологическая дискуссия будет недостаточно полной при привлечении только современных данных, целесообразным представляется рассмотреть данные феномены в диахронии и проследить преемственность данных терминов в отечественной лингвистике.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона от 1896 г. существует статья на термин «наречие», где интересующий нас термин и связанная с ним иерархия раскрываются в полном объеме: «Наречие – язык (диалект) известной (иногда довольно значительной) части однородного населения той или другой страны, представляющий, наряду с общими характерными признаками данного языка, и известные отличия, настолько